

НОВЫЕ КНИГИ

А. А. Поплавская

Что мы знаем о молодёжи XXI века? Американские подростки глазами психолога

Рецензия на книгу: Твенге Д. 2019. *Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни** *и что это значит для всех остальных (Пер. с англ. А. Толмачева). М.: Группа компаний «РИПОЛ классик». 406 с.

ПОПЛАВСКАЯ Анита Андреевна — аспирант факультета социальных наук, аналитик Центра внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: anitamoiseeva.a@gmail.com

Книга американского психолога Джин Твенге «Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым к жизни* *и что это значит для всех остальных» посвящена описанию изменений в ценностях, самооценке и поведении подростков, родившихся в 1995–2012 гг. Книга является примером досконального анализа данных социологических опросов, начавшихся ещё в 1960-х гг. и охвативших более 11 млн американцев. Руководствуясь столь обширным эмпирическим материалом, автор делает выводы о том, что подростки стали медленнее взрослеть, погружаться в виртуальность в ущерб реальности, злоупотреблять новыми медиа, меньше общаться и интересоваться новостями. Всё это породило деградацию знаний и навыков, приземлённость, рост психических расстройств, неуверенность в себе и будущем, превратное отношение к дружбе, учёбе, работе, семье и деньгам. Основными причинами подобных коренных изменений стали безопасное детство айдженеров и новая информационно-техническая среда, в которую они погружены. Привыкшие находиться под присмотром и быть погруженными в виртуальное пространство, они утрачивают интерес к самостоятельному познанию внешнего мира, навык преодоления препятствий, желание рисковать, получают значительно меньше опыта. Айдженеры в несколько раз реже встречаются с друзьями, ходят на свидания, работают на каникулах, водят машину, пьют алкоголь, читают книги и новости, чем представители поколений X и Y в юности. В то же время айдженеры проводят в Интернете в два раза больше времени, чем миллениалы в их возрасте. Бесконтрольно и неразборчиво поглощая примитивную и хаотичную информацию, современные подростки утрачивают личностную целостность. Об этом говорит рост тревожности, психических расстройств и суицидов. Пример американских подростков показывает, что люди теряют способность к тому, ради чего создаются технологии (межличностное общение, критическое мышление, информированность, творчество, личностный рост, безопасность и т. д.).

Ключевые слова: межпоколенческий сравнительный анализ; поколение Z; молодёжь; новые медиа; психология; социальные изменения.

Введение

Американский психолог Джин Мария Твенге имеет междисциплинарное образование. Будучи доктором философских наук, она изучала психологию личности в Мичиганском университете, затем перешла на работу в Государственный университет Сан-Диего (штат Калифорния), где и работает профессором психологии по сей день. Твенге имеет более 130 научных публикаций, среди которых многие посвящены анализу межпоколенческих различий, а также является автором нескольких книг.

Теорией поколений Твенге занимается уже четверть века. В 2006 г. вышла её книга про миллениалов «Поколение селфи: почему сегодняшние молодые американцы стали более уверенными, напористыми, озадаченными и более несчастными, чем когда-либо раньше» [Twenge 2006], затем в соавторстве с Кит Кэмпбелл была издана книга «Эпидемия нарциссизма: жизнь в эпоху прав» [Twenge, Campbell 2009], также касающаяся темы поколений. В 2010 г. Джин Твенге открыла компанию со звучным названием «iGen Consulting», главной целью которой стало консультирование бизнеса по вопросам молодёжных исследований. Среди клиентов компании были такие крупные корпорации, как PepsiCo, медиа и консалтинговые компании McGraw-Hill, nGenera, Nielsen Media, Bain Consulting.

В 2017 г. появляется научно-популярная книга Джин Твенге «Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым к жизни* *и что это значит для всех остальных». В этой книге Твенге впервые называет поколение, родившееся в 1995–2012 гг., айдженерами. Данный термин является не только производным от столь популярной и любимой подростками продукции компании Apple (iPhone, iPad и т. п.), но также связан со всё большим распространением «i»-индивидуализма и отходом от традиций среди представителей данного поколения. Книга становится лучшей научной книгой 2017 г. по версии «Wired Magazine» — американского журнала, описывающего влияние компьютерных технологий на культуру, экономику и политику.

В своей книге Твенге откровенно рассказывает о многих проблемах, волнующих тинейджеров, применяет межпоколенческий сравнительный анализ, отражая тенденции, свойственные молодёжи прошлого века и современным молодым людям, а также уделяет особое внимание влиянию изменившегося информационно-технического поля на психику подрастающего поколения. Психолог признаётся, что начиная с 2012 г. она стала замечать «резкие и мощные изменения в поведении и эмоциональном состоянии подростков», и это подвигло её более подробно заняться данной проблематикой [Твенге 2019: 19].

Книга Джин Твенге начинается с введения в общую рамку исследования, затем последовательно разбираются 10 наиболее важных изменений в поведении современной молодёжи, а именно замедленное взросление, Интернет в ущерб реальности, уменьшение очного межличностного общения, неуверенность в себе и рост психических расстройств, нерелигиозность, изолированность и приземлённость, изменение отношения к работе и деньгам, неопределённость в отношении семьи и детей, инклюзивность, политическая независимость; в заключении подводятся итоги и даются рекомендации для родителей, работодателей и для самих подростков.

В настоящей рецензии мы отчасти переструктурируем книгу Твенге для того, чтобы понять, насколько исследование является релевантным, почему оно заслуживает внимания и обычного читателя, и научного сообщества. Начнём с обсуждения теоретической рамки исследования, методологии, затем приступим к разбору эмпирики, затронув ключевые, на наш взгляд, тренды, о которых говорит профессор психологии. В рецензии мы будем критиковать некоторые исследовательские подходы Твенге не ради того, чтобы уменьшить значимость исследования, которое получилось масштабным и убедительным,

но чтобы избежать или исправить эти недочёты в будущих исследованиях по данной проблематике. В заключении мы кратко подведём итоги.

Зачем теория, когда есть эмпирика

Безусловно, базовой теорией, на которую опирается Джин Твенге в своей книге, является *теория поколений*. Однако развёрнутого анализа данной теории в книге нет. Во введении автор бегло очерчивает границы поколений, скорее всего, взяв за основу общепринятое в научном сообществе деление Вильяма Штрауса и Нейла Хоува [Strauss, Howe 1991], но изменив даты рождения представителей различных поколений. Вопросы о том, почему границы поколений в разных исследованиях разнятся и каким образом автор выбрала для себя определенные даты рождения, остаётся открытым, а в качестве единственного ответа на них можно рассматривать высказывание Твенге о том, что «временные границы поколений достаточно условны». Высказывание, безусловно, справедливое (см., например: [Шанин 2005; Радаев 2019]). Однако для более полного погружения в проблематику теории поколений читателю следует обратиться к книге профессора В. В. Радаева, где даётся критический анализ различных подходов к анализу поколений и предлагается обратить внимание не на годы рождения, а на «формативные», «впечатлительные годы» (17–25 лет) представителей различных поколений. Именно в эти годы молодые люди взрослеют, по-своему воспринимая окружающую действительность, формируя способы мышления, установки и взгляды, которые сохраняют до конца жизни [Радаев 2019: 38]¹.

Далее Твенге высказывает предположение о том, что поколения *X*, *Y* и *I* формируются в течение периода, равного 14 годам, тогда как в прошлом для формирования поколения нужно было примерно 20 лет. Эта мысль о более быстрой смене поколений в современном мире совершенно не обосновывается автором рецензируемой книги. Объяснение находится в книге В. В. Радаева, где автор говорит о возможном сокращении поколенческого шага в связи с увеличением интенсивности социальных изменений в современной действительности [Радаев 2019: 47] и в целом о возможности выделения неровных поколенческих шагов (от 8 лет до 21 года) из-за различной продолжительности исторических процессов.

Однако в короткой главе о границах поколений Твенге даёт довольно много информации о технологических изменениях, произошедших за последние десятилетия. Например, в 1995 г. Интернет становится общедоступным; первая социальная сеть появляется в 1997 г.; с 2003 г. набирает популярность MySpace; с 2006 г. социальной сетью Facebook имеют право пользоваться подростки старше 13 лет, тогда же начинает свою работу известный видеохостинг YouTube; в 2007 г. на рынке появляется первый iPhone, в 2010 г. — первый iPad; в 2015 г. две трети американских подростков уже имеют собственные айфоны, и т. д. Таким образом, уже с первых страниц книги явно просматривается уклон исследователя в сторону технологического детерминизма, а именно — разделения мнения о значительном влиянии науки и технологий на социально-экономические и культурные процессы в обществе.

Подобного взгляда уже в начале XX века придерживался Торстейн Веблен, считая технологии способными изменить мышление людей и выработать особый тип поведения [Veblen 1994]. Примерно с 1950-х гг. социологи и экономисты начинают более пристально изучать влияние технологий на общество. Появляются различные концепции, описывающие будущее человечества как индустриальное, постиндустриальное, сверхиндустриальное, информационное, сетевое, постмодернистское, электронное, цифровое и т. п. Человек оказывается неразрывно связан с технологиями и распространяющейся

¹ В настоящей рецензии мы не будем сравнивать работу американского психолога Джин Твенге с книгой профессора В. В. Радаева «Миллениалы: Как меняется российское общество» [Радаев 2019], чтобы не отходить от проблематики книги Твенге и ради более конкретных выводов относительно специфической американской действительности. Тем не менее сравнительный анализ американской и российской молодёжи представляется нам исследованием, имеющим огромный потенциал. Однако такой анализ не может быть вмещён в рамки настоящей рецензии.

с их помощью информацией (среди авторов данных концепций Р. Арон, Д. Белл, О. Тоффлер, Д. Лион, М. Кастельс, Ж. Лиотар, А. Турен и др.). Смеем предположить, что Джин Твенге негласно руководствуется в своём исследовании (или приходит к ней в рамках своего эмпирического анализа) *теорией технологического детерминизма*, для сторонников которой технологии, а именно новые медиа² (смартфоны, социальные сети, видеоигры), играют ключевую роль в становлении поколения айдженеров. Однако открыто Твенге о своей приверженности этой теории не упоминает, уходя в эмпирику, коей посвящена большая часть (около 80%) книги³.

Для своего исследования Твенге выбрала четыре крупнейших общенациональных опроса, начавшихся в 1960-х гг. и охвативших более 11 млн американцев. Среди использованных баз данных следующие:

- «Monitoring the Future» («Мониторинг будущего»): опрос учеников 8-х и 12-х классов, проводится с 1976 г.;
- «Youth Behavior Surveillance System» («Система наблюдения за поведением молодёжи»): опрос старшеклассников, проводится с 1991 г.;
- «The American Freshman Survey» («Опрос американских первокурсников»): опрос учащихся колледжей и университетов, проводится с 1966 г.;
- «General Social Survey» («Общий социальный опрос»): в этом опросе участвуют респонденты старше 18 лет, проводится с 1972 г.

Все базы находятся в открытом доступе, они репрезентативны, данные можно экстраполировать на всю американскую молодёжь.

В качестве метода исследования Джин Твенге использует ретроспективный межпоколенческий анализ, сравнивая ответы молодых людей, представителей разных поколений, в одном возрасте в различные периоды времени. Главной идеей подобного анализа является сравнение ответов айдженеров и их сверстников из прошлого на одни и те же вопросы. В зависимости от источника данных и исходя из исследовательских задач автор выделяет разные возрастные группы для сравнения: например, ученики 8-х, 10-х и 12-х классов, первокурсники, молодые люди 15–17, 18–19, 21–22 лет и т. п. Таким образом, автор избегает трудности с отделением возрастного фактора от поколенческого (см. подробнее: [Yang, Land 2008; Радаев 2019: 61]). Всего в книге представлено около 120 графиков, наглядно демонстрирующих изменения в поведении и мнениях тинейджеров разных времён.

Помимо обширного количественного анализа, Твенге использует качественные данные: проводит 23 интервью с айдженерами разного возраста, социально-экономического положения и этноса. Раз-

---

² Изначально термин «новые медиа» (*new media*) использовался для разграничения традиционных медиа (телевизор, радио, пресса) от новых типов трансляции информации через Интернет. Джин Твенге даёт своё определение новым медиа, включая сюда смартфоны, социальные сети и видеоигры. Такое понимание новых медиа допустимо, поскольку понятие «смартфон» подразумевает многие ресурсы Веб 2.0, такие как интернет-СМИ, интернет-ТВ, интернет-радио, блогосферу и т. п. [Рогалева, Шкайдерова 2015]. Особое выделение социальных сетей и виртуальных игр при определении новых медиа, скорее всего, сделано с целью надления их особой важностью — как факторов, более прочих влияющих на ценности и поведение подростков.

³ Следует отметить, что Джин Твенге использует для объяснения некоторых выявленных трендов две теории из психологии — теорию жизненных стратегий и теорию отторжения и принятия Роя Баумайстера, о чём мы будем говорить в рамках настоящей рецензии. Однако в самой книге упоминание этих теорий занимает всего несколько страниц и не переносится на общий контекст книги.

говор идёт о культуре, социальной жизни, текущих событиях, противоречиях современной жизни и о столь любимых айдженерами смартфонах. Добавление качественной методологии, безусловно, позволяет увидеть за цифрами реальных людей, глубже понять количественные данные, описать смыслы, которые молодёжь вкладывает в те или иные свои ответы. Однако ни гайда, ни подробного описания респондентов, ни качественного анализа интервью в книге исследователь не даёт. А это необходимо было сделать, так как непредвзятому читателю может показаться, что точки зрения отдельных людей отражают мнения тех или иных молодёжных групп американского общества, что неверно.

В отдельных случаях Твенге ссылается на результаты анализа данных опроса 250 первокурсников факультета психологии Государственного университета Сан-Диего, где автор книги работает, бесед с выпускниками своего факультета, контент-анализа газет, издаваемых различными университетами и колледжами, а также на результаты сторонних экспериментов и исследований, что делает эмпирическую базу ещё более насыщенной.

Характеристики айдженеров как вызов современному обществу

Джин Твенге затрагивает многие сферы жизни современных подростков, сравнивая их поведение с поведением их сверстников в прошлом. Мы попытаемся суммировать написанное Твенге и затронем в рецензии лишь те темы, которые нам кажутся наиболее важными и связанными с жизнью среднестатистического подростка: детство, дружба, учёба, работа, семья. Неизбежно и обсуждение контекста, в котором происходит взросление индивидов, то есть фон повсеместной диджитализации и общий тренд на ухудшение внутреннего состояния индивидов, их психоэмоционального состояния. Таким образом, будет показана общая картина состояния американской молодёжи — подростков, родившихся в 1995–2012 гг.

Медленное взросление (детство, дружба, учёба, работа, семья)

Джин Твенге начинает эмпирическую часть книги с темы взросления современной молодёжи. Отметим, что тренд на повышение верхней возрастной рамки молодых людей уже отмечали многие исследовательские организации, указывая на то, что молодёжь стала позже взрослеть. Если ранее молодёжью считались представители возрастной когорты 15–24 лет, то в некоторых исследованиях понятие «молодёжь» растягивается, сюда относят людей 32–35 лет [UnitedNations 2012]. Относительно изменения нижней планки «молодёжной когорты» речи не шла, однако эмпирические данные говорят о том, что такие подвижки возможны. Твенге пишет о том, что 18-летние подростки стали вести себя, как 15-летние, 13-летние — как 10-летние, и т. п.

Проанализированные американские данные показали, что подростки почти перестали оставаться дома одни, стали реже общаться со сверстниками, выбираться из дома без родителей, ходить на свидания, получать водительские права, водить машины, работать на каникулах, самостоятельно тратить карманные деньги, пить алкогольные напитки и курить. Дети стали, с одной стороны, более покладистыми (меньше конфликтов с родителями, меньшая распространённость бунтарского поведения), а с другой — более пассивными и не стремящимися к самостоятельности (позднее получение водительских прав, поздний переезд от родителей, нежелание работать, неумение распоряжаться собственными деньгами, финансовая несостоятельность и т. п.).

Цифры убедительнее слов. На основе анализа национально репрезентативных данных Твенге наглядно демонстрирует тренд на замедление взросления: количество *социальных контактов уменьшилось, они стали редкими и менее желанными*. Доля подростков, ежедневно встречающихся со своими друзьями, в 2000–2015 гг. снизилась вдвое; то же самое произошло с долей 12-классников, которые ходили на

свидания хотя бы раз в жизни. В 2015 г. 12-классники гуляли без родителей реже, чем восьмиклассники в 2009 г. В 2000–2014 гг. доля подростков, посещающих школьные вечеринки, снизилась с 73 до 55%, причём вечеринки стали организовываться не подростками, а их родителями. *Молодые люди стали менее самостоятельными и менее заинтересованными во взрослении.* Число молодых водителей снизилось с 90% в 1976 г. до 72% в 2015 г., причём число постоянно управляющих автомобилем стало ещё меньше⁴. В 1970-х гг. только 22% подростков *не работали* за деньги; в начале 2010-х гг. таких стало в два раза больше (44%). И если в 1980-х гг. 70% школьников устраивались на работу во время каникул, то в 2010-х гг. таких стало менее половины. Причём, по данным Бюро трудовой статистики США, количество *не желающих* работать подростков удвоилось. В 2015 г. пятая часть 17- и 18-летних подростков не имела личных карманных денег, многие подростки не ориентировались в ценах на продукты, которые употребляют, и вещи, которыми пользуются. В семейной жизни также произошли существенные подвижки: средний возраст вступления в брак увеличился на семь лет, а доля желающих построить семью и родить ребёнка существенно сократилась...

Такие количественные зарисовки можно продолжать бесконечно, они интересны, и более подробно с ними можно ознакомиться в самой книге. Мы же подчеркнём, что подростки не стали более загруженными. По подсчётам Твенге, школьная, внешкольная и иная образовательная нагрузка на подростков не сильно изменилась, даже сократилась. Айдженеры имеют на четыре часа больше свободного времени в неделю, чем их сверстники в начале 2000-х гг. [Твенге 2019: 241]. При этом происходит затухание привычного для подростков поведения, а дефицит времени на совершение различных типичных для подростков прошлого века действий к этому отношения не имеет.

Безопасное детство и жизненная стратегия современных семей

Логичен вопрос: а что изменилось? Какие события, обстоятельства повлияли на столь коренной слом молодёжных норм и практик поведения? Одной из причин Твенге называет трансформацию условий современного детства, тренд на повышенную безопасность, изменение портрета семей, родительского подхода к деторождению, опеке и воспитанию.

Тема интересная и сложная, в книге она раскрывается кратко. Говорится об изменении социально-культурной среды, которая формирует определённые представления у семей о том, каким образом воспитывать своего ребёнка и сделать его детство более безопасным. Так, например, самостоятельный выход ребёнка из дома воспринимается окружающими как безответственность родителей, что заставляет их принимать меры по предотвращению подобных ситуаций, — 70% родителей считают, что современный мир стал более опасным для детей и подростков [Твенге 2019: 211], хотя объективных, реальных опасностей стало на порядок меньше, и в своём детстве большинство респондентов имели возможность самостоятельного передвижения по близлежащим к дому территориям с позволения родителей. Государством и социальными институтами стремление к безопасности поощряется. Например, во многих штатах вводятся ограничения по «опасным» для физического здоровья детей видам деятельности: в одном штате была запрещена игра в салочки, в другом — кувырки на уроках физкультуры, в третьем — уличный хоккей... В университетах для подростков появляются «безопасные пространства», куда студент может прийти и морально отдохнуть, посмотреть фильм, сериал, мультфильм, раскрасить «раскраску», то есть укрыться от тревог и страхов, которые могли его настигнуть в не столь безопасной университетской среде.

⁴ Следует отметить, что американская культура вождения отличается от российской. Получение прав к 16 годам означало для американского подростка XX века обретение независимости от родителей. К этому стремились большинство подростков, что подтверждается не только социальными опросами, но и сюжетами американских кинофильмов того времени.

Также для объяснения замедленного взросления подростков Твенге руководствуется теорией жизненных стратегий (*life history theory*), которая описывает зависимость скорости развития человека от культурного контекста [Stearns 1992]. Данная теория говорит о существовании двух подходов к жизни: стратегии жизни (1) медленной (*slow life strategy*) и (2) быстрой (*fast life strategy*). Для первого типа характерно сокращение количества детей в семье, пристальное внимание к их воспитанию, поощрение вкладов в собственное развитие — образование, хобби, карьерный рост, а также осуждение преждевременных браков и раннего деторождения. Другими словами, стратегия медленной жизни — это индивидуализм, эгоцентризм, ориентация на будущее, страх перед высококонкурентной экономикой, а также откладывание ключевых жизненных событий на более поздний период времени [Твенге 2019: 62]. Стратегия быстрой жизни предполагает иной ход событий: люди ориентируются на большое количество детей, активнее заботятся о насущных вопросах (например, о пропитании, одежде и т. п.), само собой разумеющимся являются воспитание и образование. Как следствие, родители, живущие быстрой жизнью, отпускают своих детей «в плавание» раньше, считая браки, деторождение и любую работу в подростковом возрасте нормой.

Как можно видеть из описания стратегий, в американском обществе с высоким уровнем индивидуализма, по мнению автора, давно превалирует стратегия медленной жизни, поэтому американские подростки взрослеют медленнее своих сверстников из стран с коллективистской культурой, а родительский подход к воспитанию детей отличается не только повышенным чувством ответственности за своих отпрысков, но и гиперопекой, тревожностью и стремлением заменить реальный внешний опыт его безопасным аналогом — виртуально укомплектованным домашним пространством. На деле это создаёт больше проблем для будущего детей, чем пользы.

Неограниченное и хаотичное использование новых медиа

Ещё одной (возможно, главной) причиной коренных изменений в поведении подростков и замедлении их взросления Джин Твенге называет распространённость новых медиа (общедоступные смартфоны, социальные сети, видеоигры). На множестве примеров автор показывает, что из-за новых технологий молодые люди реже познают мир самостоятельно, теряют желание взрослеть и быть независимыми. Действительно, если айдженеры не делают обычные для подростков прошлого века вещи, то чем они так заняты? Ответ прост: они погружены в виртуальную реальность.

Количественно картинка выглядит следующим образом: американские 12-классники в 2015 г. проводили в Интернете в два раза больше времени, чем в 2006 г. В 2008 г. 14% 12-классников никогда не состояли в социальных сетях; в 2015 г. таких осталось всего 3%. За несколько лет социальные сети стали насущной потребностью для большинства подростков, вне зависимости от их принадлежности к социально-экономическому классу или этносу. Различие отмечается лишь по полу: девушки больше времени посвящают социальным сетям, молодые люди — видеоиграм [Твенге 2019: 81]. В 2015 г. 87% учениц и 77% учеников 12-х классов пользовались социальными сетями ежедневно. Доля играющих в видеоигры тинейджеров достигла 27% в 2015 г., причём 25% подростков играют в видеоигры более трёх часов в день, а 9% из них — более 40 часов в неделю, то есть заняты этим полный рабочий день.

Если рассматривать расписание среднестатистического подростка, то на школу, уроки и сон отводится у него (неё) около 17 часов в день, остальное время тратится на новые медиа [Твенге 2019: 73]. Иными словами, на Интернет, написание текстовых сообщений, электронные игры, видеочаты и т. п. айдженеры тратят более шести часов в сутки. Часто это происходит в ущерб другим видам деятельности — учёбе, сну, спорту, отдыху, реальному общению. Твенге задаётся вопросами: «Что они пишут в текстовых сообщениях?»; «О чём общаются по видеосвязи?». Ответ прост: то же самое и о том же самом, что и взрослые, только чаще... Сами подростки в интервью говорят, что они постоянно пересылают

друг другу «приколы», забавные картинки и видео. Показателен эксперимент с 13-летней девочкой, проведённый газетой «The Washington Post»: в течение 12-минутной поездки из школы домой исследователи фиксировали все манипуляции девочки с айфоном. В итоге получилась хаотичная и нелогичная картинка переключения приложений от видео с котиками, погоды, расписания занятий, шагомера до... статьи о губернаторе Флориды, которую она не дочитывает, и видео в приложении Snapchat, где изо рта подруги появляется радуга [Твенге 2019: 78].

Твенге описывает и общую картину происходящего: с появлением YouTube в американском бизнесе начали происходить существенные изменения. Кинотеатры отошли на второй план, стали закрываться торговые центры, видеопрокат Blockbuster, основанный в 1985 г., разорился, а компания Netflix, появившаяся в 1997 г. и предлагающая своим клиентам такие подписки, как Amazon Prime Video, начала испытывать реальную конкуренцию от незамысловатого контента, вроде видео с котиками в общедоступном YouTube [Твенге 2019: 99]. Многие тинейджеры признаются, что иногда они ловят себя на мысли, что нужно остановиться, выключить телефон и сменить занятие. Они были бы рады остановиться, но всё равно продолжают «тыкать в телефон», так и не найдя ответа на вопрос: «Зачем мне всё это?». Некоторые подростки отмечают, что хотели бы общаться с друзьями больше в формате офлайн, но их друзья никуда не ходят, в школе все ведут себя тихо и спокойно, а при личном общении часто не могут оторваться от своих гаджетов, что делает встречи неинтересными и бессмысленными.

Социальная жизнь теперь происходит онлайн — такой вывод делает Джин Твенге. Количество подростков, ежедневно встречающихся со своими друзьями, за 15 лет наблюдений снизилось вдвое, а время межличностного общения со сверстниками сократилось до часа в день [Твенге 2019: 100]. Большинство американских айдженеров отказываются от любых видов деятельности, требующих личного контакта, будь то общение в малых (тет-а-тет) или в больших группах (вечеринки, дискотеки), простые случайные действия (совместная поездка на авто) или сложно организованные мероприятия (совместный поход в театр, кино). Безусловно, подобный асоциальный стиль жизни влияет на подростков и на их будущность..

Твенге проверяет правильность распространённого представления о том, что любое общение — виртуальное или реальное — одинаково положительно влияет на самоощущение человека. Различные исследования показывают, что это не так. Результаты многочисленных опросов говорят о том, что социально активные и общительные подростки чувствуют себя более счастливыми и довольными жизнью, чем проводящие много времени за экранами компьютеров и телефонов. Эксперимент, проведённый среди 1095 взрослых датчан, показал, что данный тренд актуален и для взрослых. Взрослые, которые проводили больше времени в социальной сети Facebook, становились более раздражительными, тревожными, грустными, рос уровень их неудовлетворённости жизнью. Люди, которые не пользовались социальными сетями, демонстрировали противоположные настроения.

Новые медиа оказывают негативное влияние на развитие полезных для жизни социальных навыков (мягкие навыки, управление эмоциями, умение решать проблемы, преодоление препятствий, умение находить компромисс и т. п.). Твенге полагает, что айдженеры с детства привыкают избегать потенциально неловких ситуаций, контактов с посторонними, выхода из зоны комфорта. Всё это влияет не только на их навыки общения, но и на психологическое состояние в будущем, при взрослой жизни.

В целом, Твенге как психолог к медленному взрослению, одержимостью безопасностью и новым медиа относится настороженно. Клинические исследования показали, что лобная доля головного мозга, отвечающая за мышление и принятие решений, развивается до 25 лет. Более того, мозг развивается благодаря опыту и желанию получать этот опыт. Отсутствие у многих подростков разнообразного опыта в молодом возрасте, боязнь перед внешним миром и погружённость в виртуальность могут приве-

сти к плачевным результатам в настоящем и будущем, что мы подробнее обсудим далее, в разделах о психоэмоциональном состоянии подростков и их отношении к учёбе и работе.

Психоэмоциональное состояние подростков как первый звоночек

Первой проблемой, с которой сталкивается любой подросток, привыкший много времени проводить в Интернете, это зависимость: «Рассказывая о своих смартфонах, они похожи на героиновых наркоманов», — пишет Твенге об айдженерах [Твенге 2019: 71]. Ситуация зашла так далеко, что первое и последнее, что подростки, да и многие взрослые, видят после пробуждения и перед сном, — это смартфон, в котором, кажется, сосредоточена вся жизнь.

Как известно, зависимость порождает страхи. Объясняя свою привязанность к гаджетам и социальным сетям, подростки обычно указывают на боязнь пропустить важную информацию (*FOMO* — *fear of missing out*). Речь в таких случаях идёт о сообщениях, новостях или комментариях. *FOMO* повышает градус тревожности, особенно если что-то случается с телефоном, со страницей в социальной сети или с каким-либо важным постом.

Приверженность подростков к общению с помощью текстовых сообщений вместо звонков или личного взаимодействия способствует созданию стрессовой атмосферы. Подобное общение создаёт вынужденные паузы, в течение которых человек испытывает чувство тревоги, ожидая реакцию собеседника. Если своевременного ответа человек не получает, он испытывает сильное волнение, что воздействует на нервную систему. Твенге проводит параллель с теорией социального давления психолога Роя Баумейстера о влиянии социального отторжения на психоэмоциональное состояние человека [Baumeister, Leary 1995]. Психологические эксперименты показали, что у людей, исключённых из общей игры, активизируются центры боли в головном мозге. Более того, даже непродолжительный и случайный опыт социального отторжения приводит к тому, что человек впадает в ступор, становится агрессивным, испытывает дискомфорт и отчаяние. Твенге показывает, что с помощью мессенджеров и социальных сетей подобное «исключение из игры» происходит гораздо чаще, чем в прошлом. Молодые люди общаются сообщениями и много времени проводят в социальных сетях. Они привыкают долго ждать реакции собеседника, видеть красивые картинки и видео, никак не относящиеся к их реальной жизни, фотографии своих друзей, пропущенные тусовки, мероприятия, чужой успех и веселье, притом что в момент ожидания реакции или просмотра контента они могут ощущать себя не самым лучшим образом.

Также страхом, который часто сопровождает пребывание в социальных сетях, является боязнь неправильно себя подать, не получить должного одобрения со стороны своей аудитории. Виртуальное пространство задаёт атмосферу: в социальных сетях нужно всегда быть позитивным, получать лайки, одобрительные комментарии. С экранов смартфонов веет безграничным позитивом, индивидуализмом, уверенностью в себе. Подростки пытаются соответствовать «картинке», но не всегда это получается. Опросы американских 12-классников показали, что доля довольных собой и своей жизнью подростков начала резко снижаться в 2012 и 2014 гг. и достигла рекордных показателей в 2016 г., упав ниже уровня 1976 г. [Твенге 2019: 125]. А результаты опросов учеников 8-х, 10-х и 12-х классов продемонстрировали, что за последние восемь лет доля чувствующих себя одинокими и отверженными подростков значительно увеличилась. Причём в 2015 г. отверженными себя почувствовали на 48% девушек и на 27% юношей больше, чем в 1976 г. Добавим от себя, что социальные сети в целом усложняют вопросы личной идентичности, заставляя подростков создавать некий образ, часто отличный от реального «я», что неизбежно накладывает отпечаток на проблемы понимания себя в подростковом возрасте.

Данные национальных опросов позволяют Твенге раскрыть и такие серьёзные темы, как степень распространённости *депрессии и суицидального поведения* среди американской молодёжи. К признакам депрессии принято относить бессонницу, усталость, подавленное настроение, потерю смысла жизни и интереса к ней, ощущение неправильности и бесполезности своих действий, желание обратиться к специалисту [Твенге 2019: 129–139]. Если на протяжении двух недель человек испытывает несколько из перечисленных выше факторов, риск суицида увеличивается. Опрос учеников 8-х, 10-х и 12-х классов показал стремительный взлёт всех признаков депрессии у подростков за последние несколько лет. Результаты общенациональных тестов на клиническую депрессию показали, что каждый девятый подросток 12–17 лет и каждый одиннадцатый подросток старше 20 лет страдают клинической депрессией [Твенге 2019: 140], то есть десятая часть будущего трудоспособного населения Америки. Субъективные оценки своего психоэмоционального состояния у подростков также меняются. Если в 1983 г. обратиться к психотерапевту хотели всего 4% 12-классников, в 2000 г. таких оказалось около 8%, то в 2015 г. эта доля достигла 11%. И дело не в моде на психотерапевтов, говорит Твенге, а в реальных проблемах душевного характера.

Такой объективный показатель, как количество подростковых самоубийств, показывает, что проблема стоит очень остро. За 2007–2015 гг. число подростковых самоубийств в Америке выросло в 2,5 раза. А в 2011 г. число самоубийств впервые в истории превысило число убийств среди молодёжи [Твенге 2019: 116]. Автор книги видит взаимосвязь подобных крайних настроений с неограниченным использованием новых медиа и подробно обсуждает её. Данные, использованные Твенге, говорят о том, что активное пользование социальными сетями повышает риск возникновения депрессии у восьмиклассников на 27%; более трёх часов экранного времени в день значительно повышают риск совершения самоубийства среди подростков старшей школы, а две трети жертв кибербуллинга имеют как минимум один фактор суицидального поведения, что даже больше, чем среди жертв реальной травли в школе [Hinduja, Patchin 2010].

Как преодолеваются подобные настроения? Джин Твенге как практикующий психолог даёт советы. Первое, на что следует обратить внимание, пишет она, это новые медиа и экранное время — вот два фактора, повышающие риски развития депрессии. Соответственно личное общение, физкультура, чтение печатной литературы, печатных СМИ, выполнение домашних заданий, девятичасовой сон по расписанию без отвлечения на смартфоны — это факторы, уменьшающие риски развития депрессии. Говоря о режиме дня, следует подчеркнуть, что клинические исследования доказали вред депривации сна: прерывистый сон менее семи часов нарушает мыслительные способности подростков, снижает иммунитет, повышает кровяное давление и влияет на настроение. Те, кто не высыпается, проявляют признаки депрессии в три раза чаще, чем те, кто не имеет проблем со сном. Важным фактором, влияющим на развитие депрессии у подростка, по мнению Твенге, также становится медленное взросление, чему мы посвятили отдельный раздел в рецензии. Недостаточная самостоятельность, неприспособленность к взрослой жизни, близость родителей — все это, в конце концов, превращается в психоэмоциональный дискомфорт в среде, отличной от домашней (например, в колледже, университете, офисе).

Учёба и работа как обезличенные средства к получению денег

Темы образования и трудоустройства у многих исследователей идут вкуче (см., например: [Parsons 1959]). Не будем разделять их и мы. Как известно, в рамках образования человек не только приобретает знания, профессиональные навыки, квалификацию, но и формируется как личность, учится общаться с людьми, а также воспитывает в себе чувства ответственности, инициативности и трудолюбия.

За последние несколько лет ситуация с учёбой, опытом трудоустройства и самой занятостью стремительно меняется. Твенге доказывает, что изменения связаны не только и не столько с общей эконо-

мической ситуацией (необходимость выплачивать кредиты, безработица), но и с фундаментальными изменениями в ценностях и мировоззрении подростков. В связи с этим Твенге, во-первых, отмечает изменение мотивации к получению образования, отстранённость от учёбы и цинизм. Результаты её исследования показывают равнодушие и пренебрежение айдженеров к знаниям, полученным в рамках обучения в школе, а также снижение актуальности внутренних мотивов учебной деятельности [Твенге 2019: 219–221]. Современные американские школьники ценят прикладной характер знаний и навыков, возможность применить их в будущей работе, а фундаментальные знания отменяют. Школа и традиционное образование воспринимаются американскими подростками как пережиток прошлого. По мнению айдженеров, всё слишком быстро меняется, чтобы доверять старым знаниям, навыкам и даже книгам. В интервью подростки признаются, что, скорее, будут доверять источнику в Интернете, нежели книге со стажем. То же происходит и с социальными институтами — школа становится средством, а не целью практичных айдженеров. По их мнению, образовательные учреждения должны подготовить их к будущей карьере, дать чёткую инструкцию, как действовать в будущем, чтобы оплатить кредиты и найти стабильную, высокооплачиваемую работу. Такой подход к учёбе Твенге называет потребительским. Более того, данные говорят о более значительном ценностном сломе подростков: если в 1967 г. для подавляющего большинства первокурсников главной по важности была жизненная философия, а высокое финансовое благополучие считали важным около 40% подростков, то в 2016 г. «картинка» меняется на прямо противоположную [Твенге 2019: 217].

Во-вторых, Твенге фиксирует неумение айдженеров долго сохранять концентрацию внимания, нелюбовь к книгам и неумение читать сложные и длинные тексты. Эксперименты показали, что более 75% айдженеров закрывали программы менее чем через минуту после их открытия. По данным количественного исследования, в 2015 г. каждый третий старшеклассник признался, что за год не прочитал ни одной книги ради удовольствия, что в три раза больше, чем в 1976 г. А результаты общенационального академического теста показали, что айдженеры существенно отстают от своих предшественников по навыкам академического письма, чтения и математики. Добавим, что, по мнению исследователей, Интернет, облегчающий доступ к информации и знаниям, снижает необходимость мыслить самостоятельно, без помощи внешних ассистентов, таких как различные поисковые системы [Bunz 2014]. Всё это неизбежно ведёт к деградации мыслительных навыков детей и подростков, а также увеличивает риски появления «виртуальной толпы», легко поддающейся пропаганде и внешнему влиянию [Bunz 2014: 82].

В-третьих, немаловажной проблемой является отсутствие желания и навыков ориентации в информационном поле и новостной повестке, а также пассивность в отношении к внешнему миру, несмотря на более высокую информированность. Твенге пишет о том, что в начале 1990-х гг. газеты читали около 70% американских подростков, а в 2015 г. — только 10%. Число же учеников 8–9-х классов, которые часто читают новости, пользуясь разными источниками, сократилось с 75% у миллениалов до 50% у айдженеров [Твенге 2019: 366]. Число 12-классников и первокурсников, которые считают важными помогать окружающим людям и вкладываться в жизнь общества, возросла, притом что доля желающих и готовых делать реальные пожертвования неуклонно снижалась и в 2015 г. достигла своего исторического минимума [Твенге 2019: 223]. Всё это говорит о неумении айдженеров терпеливо и глубоко погружаться в изучение важных и сложных тем, об их пассивности, а также о расхождении мыслей и действий.

Если к учёбе айдженеры относятся как к средству получения места на рынке труда, то работа представляется им средством для получения денег. Главу о работе Твенге так и озаглавила: «Нестабильные доходы, работа ради выживания, а не шопинга» («Income Insecurity: Working to Earn — But Not to Shop»). Для погашения образовательных кредитов и для инвестирования в своё будущее айдженеры готовы на любую работу, лишь бы она была постоянной и приносила стабильный заработок. Опрос

американских первокурсников показал, что в 2016 г. рекордная доля первокурсников оценили финансовое благополучие как «крайне важную» составляющую работы. А в 2015 г. опрос показал, что треть 12-классников мечтают зарабатывать больше родителей, и это является рекордным показателем начиная с 1976 г. [Твенге 2019: 248]. Ответы на другие вопросы подтвердили, что айдженеры сильно хотят разбогатеть, иметь высокий уровень жизни, согласны на практичную, рутинную, неинтересную и несодержательную работу, лишь бы она была оплачиваема, приносила деньги на насущные потребности. Более того, айдженеры, по сравнению с миллениалами, высказывают бóльшую готовность к сверхурочной работе и тяжёлому труду.

Среди наиболее важных черт айдженеров Твенге выделяет не только их ориентированность на внешние трудовые ценности, но и всё более редкое руководство внутренними мотивами труда. Прежде всего, творческая работа приравнивается к непонятной, бесполезной. Существует огромный запрос на работу по специальности, более практичную и рутинную. Кроме того, снижается доля подростков, желающих стать предпринимателями, а следовательно, рушится и ценностная система «американской мечты». Доля 12-классников, желающих построить собственный бизнес, уменьшилась с 40% в 1995 г. до 30% в 2015 г. Доля первокурсников, верящих в успех собственного дела, снизилась с 50% в 1984 г. до 37% в 2016 г. Риск становится неприемлемым в сфере занятости, страх оказаться на улице пересиливает веру в себя. Наконец, социальные факторы выбора рабочего места теряют свою актуальность. При дефиците реального межличностного общения, о котором мы говорили выше, интерес айдженеров к знакомству с новыми людьми, желание завести дружбу на рабочем месте и общения с коллегами снижаются. Иначе говоря, социализироваться айдженеры не хотят, а желают просто выполнять свою работу.

При этом наблюдается острое противоречие между стремлением айдженеров разбогатеть и их страхами перед рынком труда. Престижных профессий айдженеры боятся не осилить. За 2011–2014 гг. число 12-классников, желающих стать высококвалифицированными специалистами, заметно сократилось. Неверие в справедливость системы пересиливает веру в плодотворность собственных усилий. Несмотря на стремление к прилежной учёбе и готовность много трудиться, айдженеры в большинстве своём уверены, что их труд не будет оценён по достоинству, они не смогут найти работу или застрянут на низкооплачиваемых должностях. Убеждённость в наличии дискриминации девушек в сфере образования и на рынке труда порождает ещё бóльшие страхи и стремления к инклюзивности. Хотя реальная ситуация говорит о том, что более половины выпускников колледжей девушки, а уровень занятости среди молодых людей на сегодняшний день достигает своего исторического минимума. Все это показывает экстернальность айдженеров, то есть доминирование внешнего локуса контроля над внутренним, повышенную тревожность, которая не имеет под собой существенных оснований, а также пораженческие настроения, которые, скорее всего, не пойдут на пользу ни психическому самочувствию, ни участию в реальной жизни — личной и общественной.

Размышления о прочитанном

Рецензируемая книга является хорошим примером широкого и глубокого погружения в анализ доступных количественных и качественных данных. При отсутствии чёткой теоретической рамки исследования автору удаётся не только выявить и объяснить многие межпоколенческие различия, но и описать общий контекст, на фоне которого (а скорее, *в котором*) происходит слом фундаментальных ценностей, самоощущения и поведения современных подростков. На наш взгляд, это контекст повышенной заботы о внешней безопасности детей и подростков при отсутствии контроля над внутренними процессами, обусловленными неограниченным доступом к Сети и постоянным использованием новых медиа в целях, которые не имеют смысла помимо развлекательного.

В рецензии мы коснулись лишь нескольких тем, касающихся жизни любого подростка: детство, коммуникация со сверстниками, учёба, работа, психика и Интернет. За рамками рецензии остались темы семьи, религии, философии, политического участия и многое другое, значимо отличающее айдженеров от своих сверстников в прошлом и ломающее традиционные для жизнедеятельности любого общества тренды, как то: готовность к построению семьи, деторождение, желание найти смысл жизни, желание разобраться в политической повестке и повлиять на ситуацию в городе, стране и т. п. Именно поэтому в заглавии книги Твенге выносит фразу об абсолютной неготовности айдженеров к жизни. При этом, по мнению российского исследователя В. В. Радаева, поколение Z, которое в книге Джин Твенге называется айдженерами, идет по стопам миллениалов, «ускоряя и умножая ранее возникшие процессы» [Радаев 2019: 211]. Стоит задуматься, как будут вести себя следующие после айдженеров поколения, и более серьёзно отнестись к решению проблем, с которыми пришлось столкнуться уже сейчас.

Кажется, что ключевой для книги является идея некоего психического слома на микроуровне, когда человек начинает жить в гиперреальности, где события реального мира интересуют всё меньше, а конструируемый мир иллюзий захватывает всё больше [Baudrillard 1983; 1995]. Причём конструируется этот мир иллюзии не традиционными медиа (СМИ, телевидение), как в прошлом веке, а новыми (различные приложения для смартфонов, социальные сети, видеоигры), а следовательно, последствия возникают тоже другие.

Книга Джин Твенге заканчивается оптимистичным призывом понять подрастающее поколение, помочь ему в становлении, подстраиваясь под него. Однако, углубляясь в текст книги и проведённый анализ, мы видим больше проблем, чем позитивных трендов. Кажется, что Твенге что-то недоговаривает, не учитывает или чего-то избегает. Ведь пример американских подростков как бы намекает на то, что люди утрачивают способность к тому, ради чего создаются технологии, то есть из нашего мира уходят межличностное общение, критическое мышление, информированность, умение разбираться в информационном поле, творчество, личностный рост, спокойствие, безопасность и многое другое. Всё это оставляет вопросы... Может ли человек существовать в гармонии с технологиями? И если да, то каким образом семья, социальные институты и государство могут способствовать этому?

Литература

- Радаев В. В. 2019. *Миллениалы: как меняется российское общество*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Рогалева О. С., Шкайдерова Т. В. 2015. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор). *Вестник Омского университета* (Филология). 1: 222–225.
- Шанин Т. 2005. История поколений и поколенческая история. В кн.: Левада Ю. А., Шанин Т. (отв. ред.) *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: Новое литературное обозрение; 17–38.
- Baudrillard J. 1983. *Simulations*. New York: Semiotext(e), Inc.
- Baudrillard J. 1995. *The Gulf War Did Not Take Place*. Bloomington: Indiana University Press.
- Baumeister R. F., Leary M. R. 1995. The Need to Belong: Desire for Interpersonal Attachments as a Fundamental Human Motivation. *Psychological Bulletin*. 117 (3): 497–529.
- Bunz M. 2014. *The Silent Revolution: How Digitalization Transforms Knowledge, Work, Journalism and Politics without Making Too Much Noise*. London: Palgrave Macmillan.

- Hinduja S., Patchin J. W. 2010. Bullying, Cyberbullying, and Suicide. *Archives of Suicide Research*. 14 (3): 206–221.
- United Nations. 2012. *Definition of Youth*. URL: <https://www.un.org/esa/socdev/documents/youth/fact-sheets/youth-definition.pdf>
- Parsons T. 1959. The School Class as a Social System: Some of Its Functions in American Society. *Harvard Educational Review*. 29 (4): 297–318.
- Stearns S. 1992. *The Evolution of Life Histories*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Strauss W., Howe N. 1991. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow and Company.
- Twenge J. M. 2006. *Generation Me: Why Today's Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled—and More Miserable Than Ever Before*. New York: Free Press.
- Twenge J. M. 2014. *Generation Me — Revised and Updated: Why Today's Young Americans are More Confident, Assertive, Entitled—and More Miserable Than Ever Before*. New York: Simon & Schuster.
- Twenge J. M., Campbell W. K. 2009. *The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement*. New York: Simon & Schuster.
- Veblen T. 1994 (1899). *The Theory of the Leisure Class*. Reprint. New York: Dover Publications.
- Yang Y., Land K. C. 2008. Age-Period-Cohort Analysis of Repeated Cross-Section Surveys: Fixed or Random Effects? *Sociological Methods and Research*. 1 (3): 297–326.

NEW BOOKS

Anita Poplavskaya

What Do We Know About 21st Century Youth? American Teens Through the Eyes of a Psychologist

Book Review: Twenge J. (2019) *Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskiy dukh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym — i absolutno ne gotovym k vzrosloy zhizni* *i chto eto znachit dlya vsekh ostal'nykh* [iGen. Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy — and Completely Unprepared for Adulthood — and What That Means for the Rest of Us] (transl. A Tolmatchev), Moscow: Group of Companies "RIPOL Classic" (in Russian). 406 p.

POPLAVSKAYA, Anita —
PhD Student, Faculty of
Social Sciences; Analyst
in the HSE Centre for
Institutional Research. Address:
20 Myasnitskaya str., Moscow,
101000, Russian Federation.

Email: anitamoiseeva.a@gmail.com

Abstract

A book written by American psychologist Jean M. Twenge *iGen. Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy—and Completely Unprepared for Adulthood—and What That Means for the Rest of Us* describes the change in values, identity and behavior of adolescents born during the period from 1995 to 2012, the Internet Generation known as iGens. The book represents a good example of thorough data analysis, using the results of sociological surveys that originated in the 1960's and covering opinions of more than 11 million Americans. Guided by such extensive empirical material, the author infers

that adolescents have begun to grow up more slowly, plunge into the virtual world at the expense of reality, presume upon new media, communicate less, and show less interest in news. All that led to a degradation of knowledge and skills, a lack of sophistication, the growth of mental disorders, a lack of self-confidence, angst, and the spread of perverse attitudes towards education, work, family and money. The main reasons for such fundamental changes lie in the safer environment of iGens' childhoods as well as their greater involvement in digital technologies and information. Accustomed to being supervised externally, iGens internally dive into virtual reality, lose interest in extracting knowledge themselves (reducing their ability to overcome obstacles or desire to take risks), and receive much less real experience. iGens are a few times less likely to meet friends, go on dates, get professional experience, drive a car, drink alcohol, read books, or keep up on the news than representatives of generations X and Y. At the same time, iGens spend twice as much time on the Internet than millennials. Uncontrollably and indiscriminately absorbing primitive and chaotic information, modern adolescents lose their integrity. This is evidenced by the growth of anxiety, mental disorders, and suicides. The example of American teenagers shows that people might lose the very abilities for which the technologies have been created (e. g. interpersonal communication, critical thinking, information awareness, creativity, personal growth, safety, etc.).

Keywords: generations; generation Z; youth; new media; psychology; social change.

References

Baudrillard J. (1983) *Simulations*, New York: Semiotext(e), Inc.

- Baudrillard J. (1995) *The Gulf War Did Not Take Place*, Bloomington: Indiana University Press.
- Baumeister R. F., Leary M. R. (1995) The Need to Belong: Desire for Interpersonal Attachments as a Fundamental Human Motivation. *Psychological Bulletin*, vol. 117, no 3, pp. 497–529.
- Bunz M. (2014) *The Silent Revolution: How Digitalization Transforms Knowledge, Work, Journalism and Politics without Making Too Much Noise*, London: Palgrave Macmillan.
- Hinduja S., Patchin J. W. (2010) Bullying, Cyberbullying, and Suicide. *Archives of Suicide Research*, vol. 14, no 3, pp. 206–221.
- United Nations (2012) *Definition of Youth*. Available at: <https://www.un.org/esa/socdev/documents/youth/fact-sheets/youth-definition.pdf> (accessed 12 April 2020).
- Parsons T. (1959) The School Class as a Social System: Some of Its Functions in American Society. *Harvard Educational Review*, vol. 29 no 4, pp. 297–318.
- Radaev V. V. (2019) Millenialy: kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo [Millennials: How the Russian Society Changes], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Rogaleva O. S., Shkaiderova T. V. (2015) Novyye media: evolyutsiya ponyatiya (analiticheskiy obzor) [New Media: Evolution of the Concept (analytical review)]. *Herald of Omsk University = Vestnik Omskogo universiteta* (Philology), no 1, pp. 222–225 (in Russian).
- Shanin T. (2005) Istoriya pokoleniy i pokolencheskaya istoriya [History of Generations and Generational History]. *Otsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia] (eds. Yu. A. Levady, T. Shanina), Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, pp. 17–38 (in Russian).
- Stearns S. (1992) *The Evolution of Life Histories*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Strauss W., Howe N. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*, New York: William Morrow and Company.
- Twenge J. M. (2006) *Generation Me: Why Today's Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled—and More Miserable Than Ever Before*, New York: Free Press.
- Twenge J. M. (2014) *Generation Me-Revised and Updated: Why Today's Young Americans are More Confident, Assertive, Entitled—and More Miserable than Ever Before*, New York: Simon & Schuster.
- Twenge J. M., Campbell W. K. (2009) *The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement*, New York: Simon & Schuster.
- Veblen T. (1994 [1899]) *The Theory of the Leisure Class*. Reprint, New York: Dover Publications.
- Yang Y., Land K. C. (2008) Age-Period-Cohort Analysis of Repeated Cross-Section Surveys: Fixed or Random Effects? *Sociological Methods and Research*, vol. 1, no 3, pp. 297–326.

Received: April 6, 2020

Citation: Poplavskaya A. (2020) Chto my znaem o molodyozhi XXI veka? Amerikanskie podrostki glazami psihologa [What Do We Know about 21st Century Youth? American Teens through the Eyes of a Psychologist. Review on: Twenge J. (2019) *Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskiy dukh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym —i absolyutno ne gotovym k vzrosloy zhizni* *i chto eto znachit dlya vsekh ostal'nykh* [iGen. Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy —and Completely Unprepared for Adulthood —and What That Means for the Rest of Us] (transl. A Tolmatchev), Moscow: Group of Companies “RIPOL Classic” (in Russian). 406 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 3, pp. 84–100. doi: [10.17323/1726-3247-2020-3-84-100](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-3-84-100) (in Russian)